

СЕРИЯ КНИГ "ЧИТАЙ И СМОТРИ"

Ирина Пятилетова

ЛЕТОПИСЬ ГЕРОИЧЕСКОГО ПОХОДА

КОННЫЙ ПЕРЕХОД АШХАБАД - МОСКВА

Дорогой читатель!

Кавалерия во все времена была самым мощным оружием, от качества лошадей, их силы и выносливости во многом зависела судьба государства. Одним из маркеров качества верховой лошади служили конные пробеги, возникшие в кавалерийской среде в конце 19 века, и, в последствие, ставшие конноспортивной дисциплиной...

Тридцатые годы в жизни советского государства знаменательны многочисленными конными пробегами: одиночными и массовыми, единичными и звездными, на лошадях верховых, рысистых и тяжелоупряжных пород. Эти пробеги, зачастую совершаемые в тяжелых погодных условиях, ставили перед собой задачу проверки рабочих качеств лошадей, игравших в ту пору большую роль в народном хозяйстве и военном деле.

Самым значительным в ряду этих пробегов, получившим широкий резонанс далеко за пределами страны, явился переход туркменских всадников на лошадях ахалтекинской и иомудской пород из Аш-

хабада в Москву, совершенный в 1935 году. Во многом этот пробег необычен и экстремален. Время (30 мая – 22 августа) выбрано самое жаркое. Маршрут протяженностью 4300 километров проходил через такие крупные населенные пункты как: Куня-Ургенч, Актюбинск, Оренбург, Пензу, Рязань. Он охватил почти все природно-климатические зоны страны: пустынную, полупустынную, горную, степную, лесостепную, лесную с их специфическими грунтами: песчаными, глинистыми, каменистыми и болотистыми.

В пробегах приняли участие 30 всадников, из них 28 представителей колхозного строя. Самый молодой – 19-летний Курбан Овез Гельды; самый старший – 55-летний Габыш Мамыш; самый знаменитый – проводник Непес Карахан. Руководил пробегом командир погранвойск НКВД С.П. Соколов.

Отряд сопровождали два грузовика грузоподъемностью 1,5 тонны. В группе сопровождающих, состоявшей из 17 человек, находились: кинооператор П.А. Пятков, корреспондент газеты «Туркменская искра» Н.И. Путилин, руководитель научной группы врач В.Д. Соколов.

Пробег имел большое интернациональное значение. Пройдя по территории многих союзных республик и автономных областей, колхозники-туркмены испытали искреннее гостеприимство и поддержку советских людей разных национальностей.

В суровых условиях была доказана выносливость и сила лошадей, их пригодность к кавалерийской службе. Всадники, как и люди группы сопровождения, также продемонстрировали выдающийся образец мужества, сплоченности и взаимовыручки.

Особенно важным для развития породы оказалось то, что в пробегах было выявлено преимущество чистопородных ахалтекинцев и иомудов перед лошадьми с прилитием английской крови. Это обстоятельство заставило отказаться от порочной практики метизации породы. Впечатляющие результаты пробега позволили заново оценить выдающиеся качества лошадей чистокровной ахалтекинской породы.

И сейчас, по прошествии 85 лет, результаты героического похода вызывают глубокое уважение к его участникам – людям и коням!

Юлия Кузнецова,
зав. отделом Научно-художественного музея коневодства,
главный редактор альманаха «Ахал-Теке Информ»

Ахалтекинец. Фото Юлии Кузнецовой.

СНАЧАЛА О ЛОШАДЯХ

Говорят, что когда-то мы были как братья: люди и лошади. Только мы забыли об этом родстве, а они помнят, тянутся доверчиво к нам. Иначе, как объяснить умную печаль, с которой лошади смотрят на нас. Они как бы говорят: «Вспомни, были другие времена, когда ты умел нас понимать! Мы были твоими верными крыльями. Пили воду из одного ручья, мы были с тобою почти на равных: только ты видел немного дальше, чем твои крылья. И однажды ты решил, что теперь ты ближе к небу, чем мы, кони, и начал нас потихоньку предавать».

С тех самых пор, как человек приручил лошадь, ее судьба стала зависеть от прямых людских потребностей: поголовье лошадей увеличивалось, изменялось качественно или сокращалось.

Наши предки, почитавшие лошадь, как друга, разводили коней разных пород, как местных, так и привезенных с Востока. Дмитрий Донской для своей конницы использовал степных лошадей, быстрых и легких, которых приводили из-за Волги татарские купцы. Во времена Ивана III впервые благородных восточных скакунов (в том числе, и ахалтекинцев) стали называть «аргамаками» независимо от породы. В начале 17 века на заводах России, называемых кобыличьими конюшнями, разводили две породы – русскую и аргамачью – и содержали 50 тысяч лошадей.

Граф Орлов во время ведения войны с Турцией приобрел в Аравии за 60 тысяч рублей серебристо-серого арабского жеребца Сметанку. Сумма, которую заплатил Орлов за Сметанку, равна трем годовым бюджетам отечественного коннозаводства того времени. У жеребца было на 1 ребро больше, он обладал нарядным экстерьером и превосходными движениями.

В течение двух лет через Турцию, Венгрию и Польшу вели Сметанку сухим путем в Россию. Внук Сметанки Барс 1 стал родоначальником породы орловская рысистая.

*А.Г. Орлов-Чесменский на Свирипом орловской верховой породы
Худ. П.Д. Невзоров, кон. 18-нач. 19 в, Музей коневодства Тимирязевской СХА, Москва*

*Путилин Иван Васильевич
Фото 1907 г.*

*Путилина Юния Александровна
Фото 1900-е гг.*

ЛЕТОПИСЕЦ КОННОГО ПРОБЕГА

Будущий член ЦК КП(б) Туркменской ССР и редактор ежедневной газеты «Туркменская искра» Путилин Николай Иванович родился в Грушевке, где в майоратном имении великих князей Романовых (до 1909 г. в. к. Михаила Николаевича, после – его сына в. к. Николая Михайловича) служил сначала бухгалтером главной конторы имения, а потом управляющим по финансовой части его отец. Путилин Иван Васильевич был дворянином Воронежской губернии и сыном диакона (позже – священника) Пятницкой церкви слободы Пятницкая Бирюченского уезда Путилина Василия Михайловича.

Грушевское имение, так называемая экономия великого князя, площадью более 90 тыс. га, располагалось на территории нескольких губерний (Херсонской, Екатеринославской и Таврической) на правом берегу Днепра. Некогда бароны Штиглицы приобрели эти плодороднейшие земли у князей Вяземских и, создав определенные экономические предпосылки для успешного дела, продали родному брату императора Александра II – в.к. Михаилу Николаевичу Романову.

Здесь на огромных просторах по последним технологиям выращивали овощные культуры, разводили овец, коней, работала корзиночная фабрика, изготавливали пробки под разлив минеральной воды из Боржомского имения, также принадлежавшего великому князю.

Продукция Грушевского имения постоянно занимала престижные места на крупных сельскохозяйственных выставках, а поля и фермы служили опытной площадкой для практических занятий в рамках различных учебных курсов по сельскому хозяйству (сельскохозяйственные курсы Голицыной в Москве) и финансовому учету (бухгалтерские курсы Гарниера).

Для работников и их семей при Грушевском имении работали школа и больница, в самом имении в штате был водитель автомобиля, присланного из Петербурга великим князем, а также действовали почта и телеграф. Трех управляющих имения ежедневно «бомбардировали» срочными телеграммами из северной столицы, требуя ежедневных отчетов о хозяйственной деятельности имения. Постоянными были и рапорты в Санкт-Петербург о политических настроениях среди окрестного населения.

Коней разводили и для спортивных соревнований. В 1905 году в России насчитывалось 59 ипподромов, а сумма разыгранных призов доходила до 3 миллионов рублей.

Но лошадь всегда ценилась прежде всего за свою преданность человеку и мужество. Кони беззаветно отдавали свою лошадиную жизнь на полях сражений: воином был не только всадник, но и его верный конь.

В первой мировой войне общие потери в людской силе составили 9,5 млн. человек, а лошадей только с российской стороны погибло около 4,5 миллиона. Они погибали как солдаты – на поле боя, ведь лошади не умеют отступать.

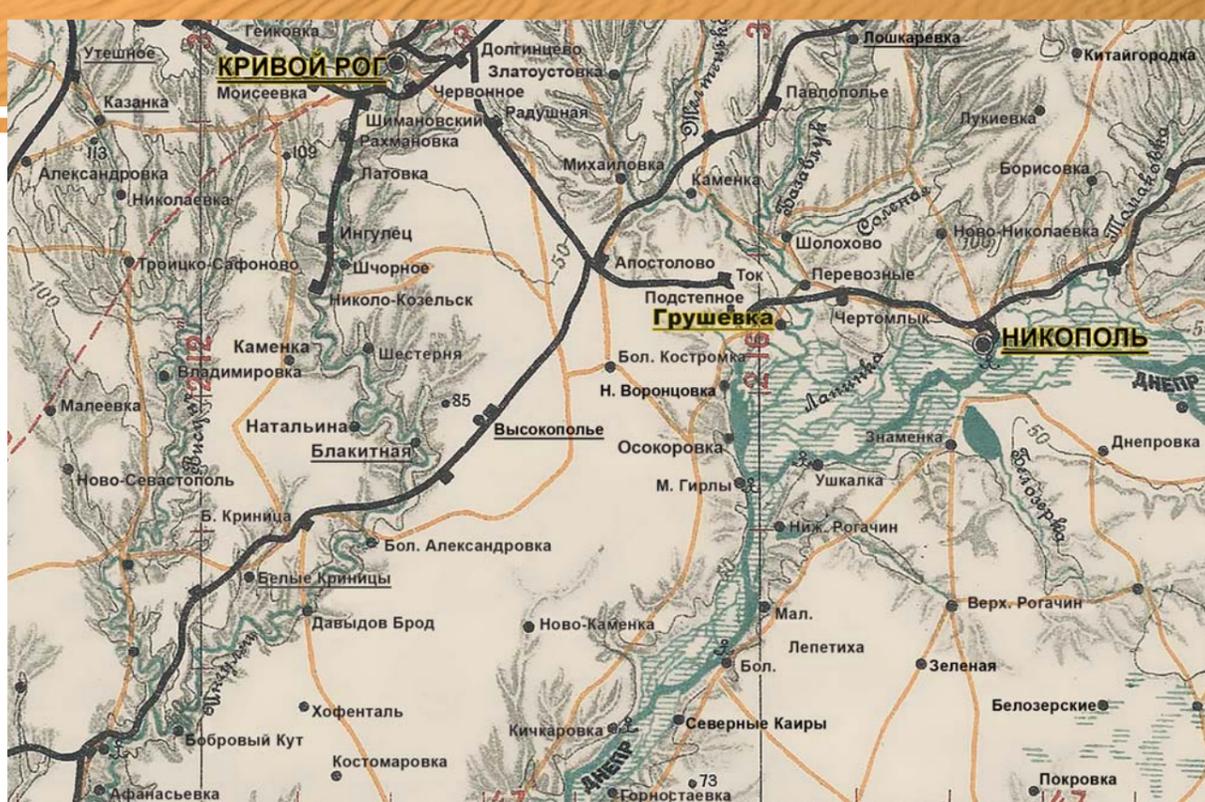
За годы становления СССР отечественное коневодство и коннозаводство периодически лихорадило. К 1925 году были практически полностью уничтожены ценные племенные поголовья, в том числе и уникальной Русской верховой породы.

Опрометчивое мнение в государственных структурах 30-х годов о наступлении всеобщей механизации в сельском хозяйстве стоило жизни 16 миллионам лошадей. Все они попали под жестокий массовый забой, не пощадили и племенное поголовье, отправленное на «семипалатинскую» колбасу. Когда хватились, что поторопились с мнениями, стали восстанавливать и вновь возрождать племенное коневодство.

Досталось от безумного чиновничества в прошлом веке и прекрасным ахалтекинцам – уникальной породе лошадей, выведенной в древние времена в Туркмении. Этих коней за их экстерьер, красоту и манеру бежать по каракумским пескам, едва касаясь их, за все это ахалтекинцев издревле называли небесными конями.

Об уникальном походе 1935 г., его участниках и их судьбе, о том, какой ценой отстаивали будущее ахалтекинской породы, рассказывает эта небольшая книга.

Она составлена по воспоминаниям летописца конного пробега Н.И. Путилина и дневниковым записям командира С.П. Соколова, кинооператора П.А. Пяткова и участницы конного перехода в 1986 году «Ашхабад – Куня – Ургенч – Ашхабад» Юлии Кузнецовой.

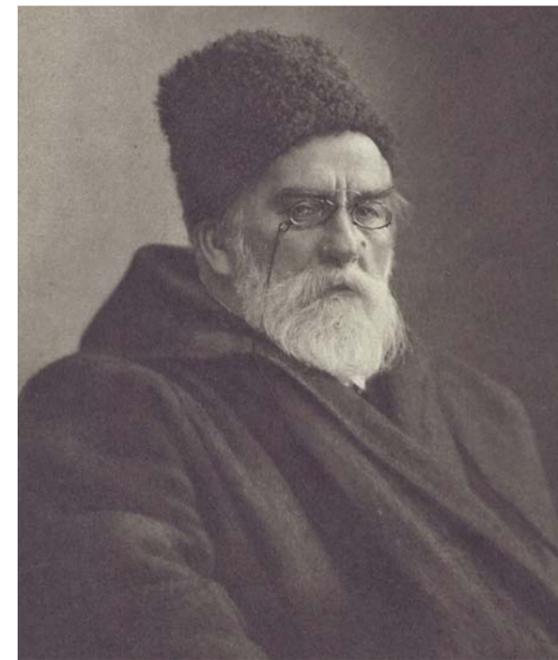
Ну а уж когда Николай II отправлял в ссылку в Грушевку в. к. Николая Михайловича, то рапорты и переписка становились более частыми и более детальными.

Грушевское имение Херсонской губернии находилось в отдалении от крупных городов: до Херсона – 200 км, до Николаева – 240 км. До Екатеринослава (потом Днепропетровск, Днепр) в соседней губернии было ближе: чуть более 150 км. А потому, когда подошло время учить детей Путилиных, то Иван Васильевич и его родной брат Георгий Васильевич (священник в соседней Ново-Воронцовке, выпускник Воронежской духовной семинарии) купили на двоих трехэтажный каменный дом в самом центре Екатеринослава, по улице Базарной, 40. В семье было трое детей: Николай, младшая Валентина и старшая сестра Юния (Иуния), названная в честь матери – Юнии Александровны. Николай учился во 2-й мужской гимназии Екатеринослава, Юния – в частной гимназии сестер Биттнер, а потом – в Полтавском институте благородных девиц.

Летом Путилины выезжали отдыхать в Крым, в Новый Свет к Голицыным. Мария Михайловна была крестной у Юнии Ивановны, а Лев Сергеевич (приходившийся дальним родственником Путилиным) подарил ей участок земли в Судаке. Вот здесь летом 1921 г. и был поставлен на воинский учет Таракташским военкоматом Феодосийского уезда житель Судака Путилин Николай Иванович.

Но вернемся чуть раньше. Дети и Юния Александровна приезжали из Екатеринослава в Грушевку к Ивану Васильевичу в праздники и на каникулы. Здесь было раздолье. Зимой катались на санках, в которые впрягали свою любимую собаку, огромного добродушного ньюфаундленда. В выходные ходили в Николаевскую церковь села Грушевки, где настоятелем служил друг Путилиных протоиерей Павел Гаврилович Торский. Это был удивительный человек. Родом из священнической семьи, закончил Одесскую духовную семинарию, с 1859 г. – в священничестве. Много лет служил благочинным Грушевского благочиния. Ежегодно о. Павел перечислял 1000 золотых рублей в духовную семинарию Екатеринослава в фонд бедных студентов, финансировал строительство свечного завода в Одессе, перечислял средства на строительство ветки железной дороги станции Подстепная рядом с Ново-Воронцовкой. Отец Павел имел огромный авторитет среди местного населения.

И собаку, и жилье в Грушевке, и большую часть имущества – все это пришлось Путилиным бросить в 1919 г., когда в имение ворвались махновцы и начались грабежи, убийства, поджоги. По воспоминаниям Юнии Ивановны, и их бы убили, потому что Иван Васильевич занимал должность финуправляющего, но семью укрыл в своем доме, и тем самым спас, священник Павел Торский. Дождавшись, когда опасность миновала, Путилины покинули Грушевку и уехали прочь.

Князь Лев Сергеевич Голицын

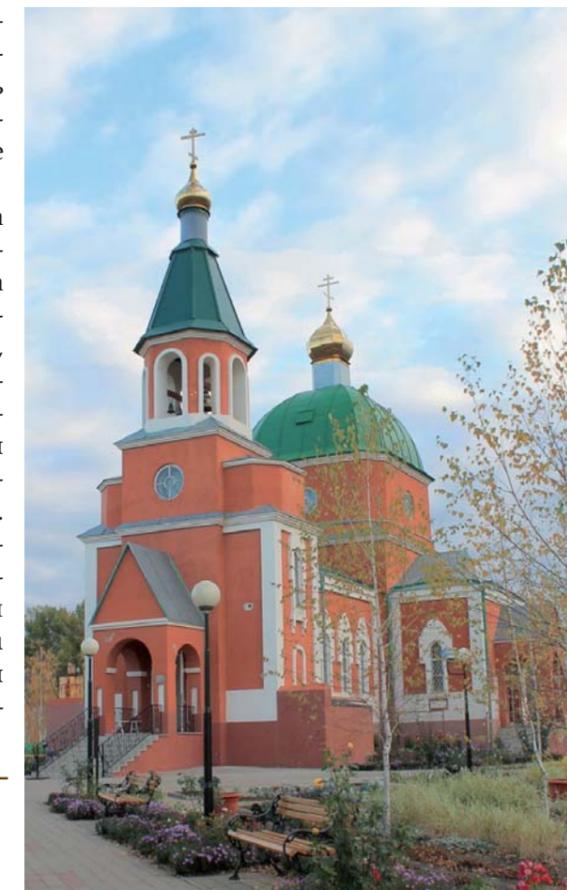
Протоиерей Павел Гаврилович Торский

Но махновцы узнали, что священник укрывал семью управляющего, и подкараулили его в лесу, возвращающегося с погребения из отдаленного хутора. Бандиты пытались отца Павла, подняли его на штыки и бросили на дорогу, где, уже тяжелораненого, старого священника застрелили. После этого они отправились в Грушевку и убили мамушку Ирину, супругу отца Павла.

Вскоре сельчане нашли бездыханные тела Павла Торского и его жены, и похоронили их на сельском кладбище в Грушевке. А позже, в 1956 г., большую часть села Грушевки с кладбищем и имения великих князей Романовых укрыли воды построенного на Днестре Каховского водохранилища.

В 1920 г. Николай Путилин – студент факультета общественных наук в Екатеринославском университете. Не проучившись и одного курса, он уезжает на родину своего отца – в Воронеж, где поступает в Воронежский университет, а чтобы было на что жить, устраивается на работу в газету «Воронежская коммуна». В его трудовой книжке в те годы записано: «литсотрудник, выпускающий, зав. отделом редакции "Воронежской коммуны", одновременно, выпускающий «Нашей газеты» (1921–23 гг.). В том же 1920 г. Николай Путилин вступил в Воронежский коммунистический союз журналистов, ему был выдан членский билет под номером 23. В одно время с молодым корреспондентом Путилиным в «Коммуне» работал будущий известный писатель Андрей Платонов, чьи рассказы впервые были опубликованы при поддержке главреда Георгия Литвина-Молотова.

Храм Параскевы Пятницы в пос. Пятницкое Волоконовского района Белгородской области (в нач. 20 в. – Бирючинского уезда Воронежской губ.)

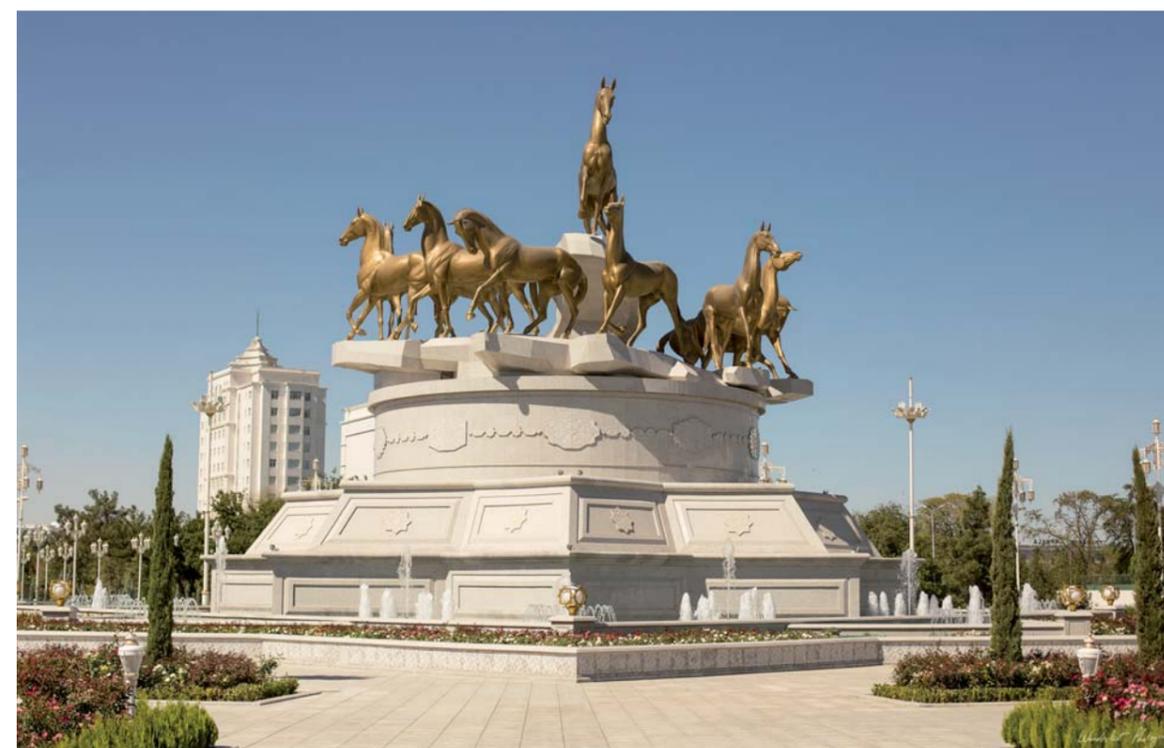

*Сотрудники редакции газеты «Воронежская Коммуна», 1920-е,
Н.И. Путилин – крайний справа.*

Свое литературное перо воронежские корреспонденты оттачивали в тяжелейших условиях. Первые полосы газеты шли под заголовками: «На борьбу с голодом», «Поможем голодающим». Вот как об этом пишет журналист и исследователь истории газеты «Коммуна» Виктор Силин: «Шла Гражданская война. Голод неимоверный. А тут еще подоспел тиф... Особенно «отличились» 21-е и 22-е годы. Вот тогда в редакции «Воронежской коммуны» и родилась необычная акция «Фонд одной папироски». Смысл ее состоял в том, чтобы те деньги, которые курильщик обычно тратит на одну папиросу, отдавать в фонд помощи голодающим. В каждом номере газеты публиковались списки людей, откликнувшихся на призыв журналистов. Да и сами они не остались в стороне. По 200 тысяч рублей (тогда такой был курс рубля) в «Фонд одной папироски» внесли Михаил Бахметьев, Андрей Платонов, Август Явич, Борис Дерптский, Ципин, Ильин, Николай Путилин, Поляков».

Теперь мы можем только предполагать, почему Николаю пришлось внезапно оставить учебу в университете, работу в газете и в 1923 г. уехать из Воронежа в Тифлис. Скорее всего, причиной, как и при последующих резких переменах места жительства, послужило его непролетарское и некрестьянское сословное происхождение, которое журналисту приходилось тщательно скрывать на протяжении всей жизни.

В 1923 г. Путилин – курсант военно-политической школы при политуправлении Отдельной Кавказской армии в Тифлисе, а практически служит сотрудником газеты ПУРА «Красный воин» и гражданских газет «Заря Востока» (выпускающий), «Рабочая правда», «Гудок» (1923–25 гг.). Далее (1925–1926) – корреспондент, ответственный секретарь, заместитель заведующего издательством газеты «Красная Звезда» – органа политуправления САВО в Ташкенте. С 1927 по 1929 гг. Путилин работает корреспондентом газеты «Туркменская искра», затем несколько лет (до 1934 г.) – ответственным секретарем газеты «Советская Киргизия» во Фрунзе (1929–34 гг.); в 1934 г. его назначают редактором Туркменского Телеграфного агентства и параллельно он работает в «Туркменской искре». Вот от этой газеты – «Туркменской искры» – Путилин и вошел в 1935 г. в состав отряда конного похода «Ашхабад-Москва».

ГЕРОИЧЕСКИЙ ПОХОД КОННИКОВ АШХАБАД – МОСКВА 1935 г.

Начало тридцатых годов прошлого столетия в Советском Союзе было эпохой трудовых и спортивных достижений. Страницы газет той поры восторженно сообщали об очередном награждении за трудовой или спортивный подвиг.

Вот несколько примеров за 1935 г.

Награждаются:

– Писатель Николай Островский. (Из наградного листа читаем: «наградить бывшего активного комсомольца, героического участника гражданской войны, потерявшего в борьбе за советскую власть здоровье, самоотверженно продолжающего оружием художественного слова борьбу за дело социализма, автора талантливого произведения «Как закалялась сталь»).

– Участники велосипедного пробега по маршруту Хабаровск – Москва (более 9 тысяч км за 57 дней без поломок и аварий в труднейших условиях) .

– 20 рабочих и работниц Пантелеймоновского динасового завода им. Карла Маркса за беспримерный пеший поход, совершенный за 25 дней в противогазах по маршруту Сталино (Донецк) — Москва (1200 километров) с целью пропаганды среди трудящихся задач и средств противохимической обороны.

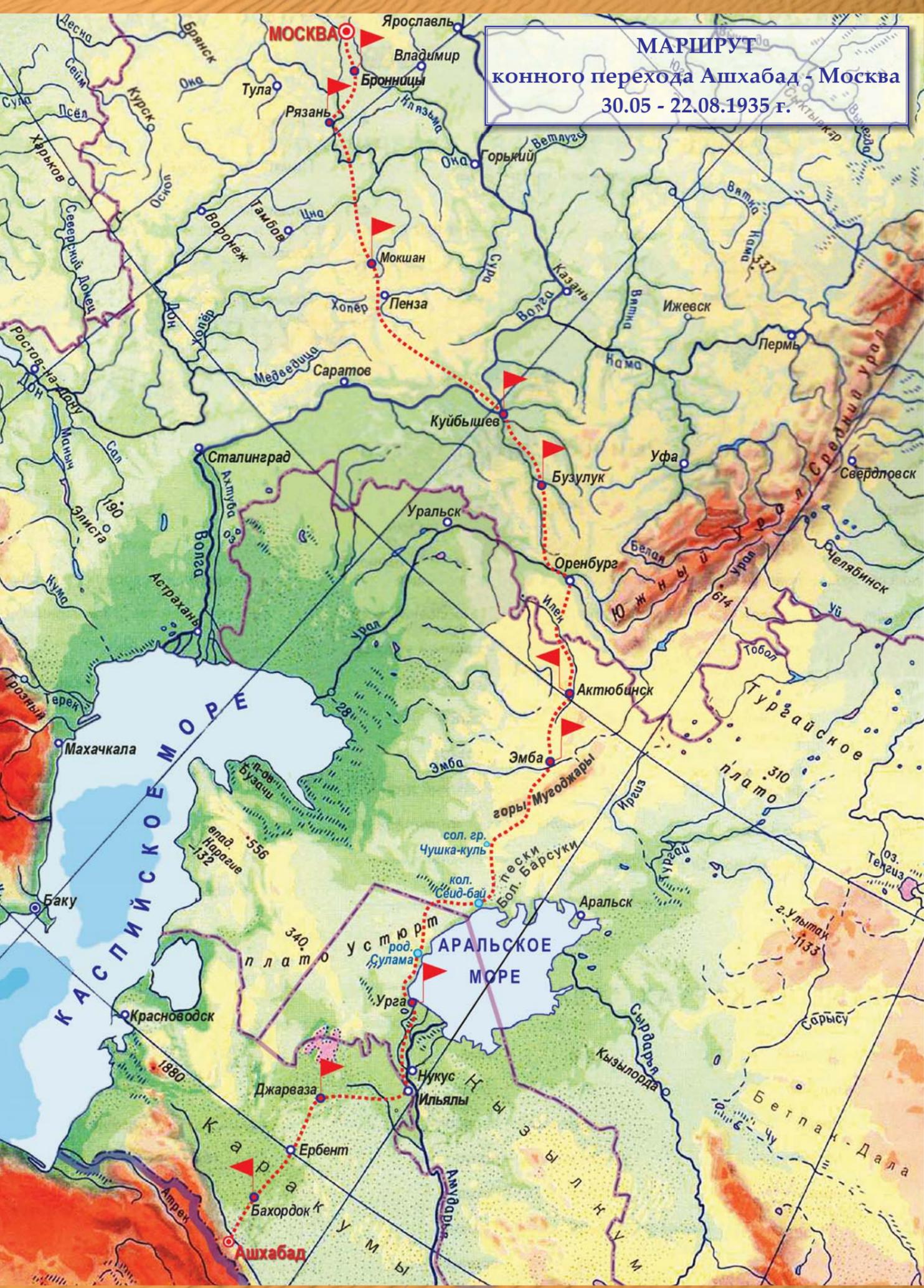
– Участники беспримерного пешего перехода из Ленинграда в Хабаровск (9 тыс. км) за мужество и волю.

– Рекордсмены по полету в стратосферу на стратостате «СССР-1-бис» на высоту 16 км за спокойствие и отвагу, проявленные при спуске в трудных условиях полета.

– Участники парашютных прыжков с высоты 7 км — без кислородного прибора и в воду.

В том же 1935 г. в центральных газетах СССР было опубликовано постановление правительства СССР о награждении участников конного перехода Ашхабад – Москва. В нем, в частности, говорилось: «За беспримерный в истории конницы конный переход Ашхабад – Москва, совершенный колхозниками-ударниками Туркменской ССР на своих колхозных лошадях по маршруту, пролегающему в значительной части по бездорожью и безводной местности, наградить орденом Красной Звезды...» (и далее

МАРШРУТ
конного перехода Ашхабад - Москва
30.05 - 22.08.1935 г.

по списку фамилии 30 человек, во главе с командиром перехода Соколовым Семеном Петровичем).

Идея этого похода появилась не на пустом месте. Еще в конце 1934 – начале 1935 гг. на страницах туркменских газет часто печатали письма читателей об успехах и достижениях в стране. Долго не могли в Туркмении забыть о состоявшемся в 1933 г. легендарном автопробеге «Москва – Каракумы – Москва», когда 96 энтузиастов на 23 автомобилях преодолели более 9 тыс. км труднейшего пути, стартовали из Парка Культуры в Москве, пересекли Каракумы и вернулись обратно в столицу.

Целью этого автопробега было изучить выносливость автомобилей в тяжелых эксплуатационных условиях, испытать отечественные шины из натурального и синтетического каучука, в том числе «сверхбаллоны». Большую часть пути по Каракумам участники пробега буквально на своих плечах вытаскивали автомобили. Пустыню, хранившую на своих спрессованных песках и солончаках отпечатки конских и людских следов по несколько лет, оглашали надрывные бурлацкие крики: «Эх, взяли! Еще раз, взяли!». Был выломан весь саксаул по маршруту и брошен под колеса бесконечно буксующих машин.

Кардинально в транспортном сообщении в Каракумах после этого автопробега ничего не изменилось: по-прежнему автомобили оставались исключительным видом транспорта для пустыни. Нередки были случаи, когда караван из двух машин мог на несколько недель застрять в песках, и спасали его на куда не спешащих верблюдах. К тому же туркменам исторически ближе были кони, тем более, что славные на весь мир ахалтекинцы и иомуды были выведены именно в Туркмении.

И вот в одном из писем читателей прозвучало предложение – организовать конный переход группы туркменских всадников, которые пронесли бы знамя дружбы народов по просторам огромной страны до самой Москвы. И самим походом показать неоспоримые качества туркменских лошадей. Эта мысль сразу же была подхвачена партийными, советскими и общественными организациями республики.

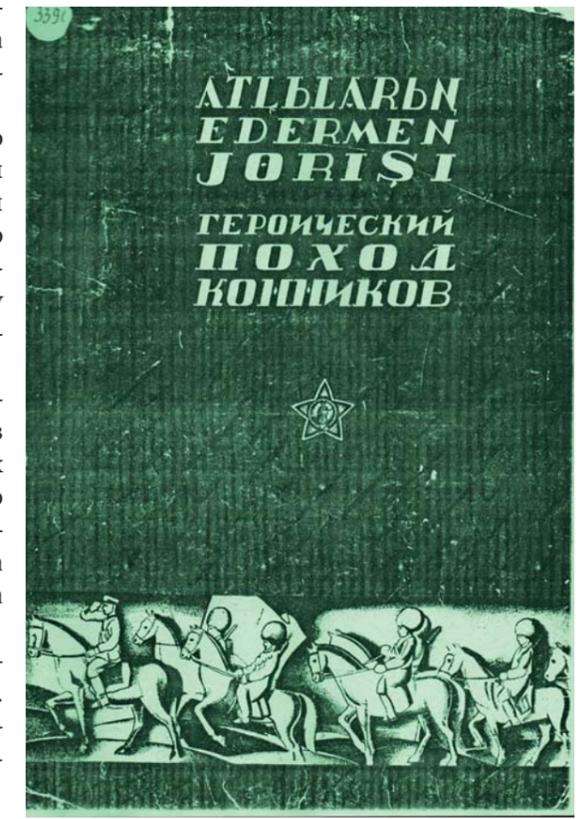
И вот старт. Вечер 30 мая 1935 года. Тогда на площади Карла Маркса (прежде генерала Скобелева) в Ашхабаде не было ни фонтанов, ни величественных зданий-дворцов из бетона и стекла. Простенькую деревянную трибуну, на которой стояли председатель ЦИК ТССР Айтаков, председатель Совнаркома республики Атабаев и др. руководители, окружала плотная масса людей.

Перед трибуной выстроились полукругом всадники в красных шелковых халатах и белых тельпеках. Двое из конников держали развернутое знамя, на котором в лучах заходящего солнца словно горели вышитые слова «Ашхабад – Москва».

Николай Иванович Путилин, участник похода, корреспондент «Туркменской искры», фото 1935 г.

Обложка книги «Героический поход конников», изданной в Ашхабаде в 1935 г.

Проводы в Ашхабаде. Фото П.А. Пяткова, 1935 г.

Короткие напутственные речи, команда, и всадники цепочкой вытягиваются по улице Карла Либкнехта, держа путь на север. Сзади две автомашины, до верха нагруженные вещами, фуражом, продовольствием. На грузе разместились обслуживающий персонал: врачи, ветеринарные и медицинский, кинооператор и его помощник, корреспондент, повар, инструктор ковки. Впереди – нелегкие 4300 километров, которые нужно было преодолеть за 84 дня, двигаясь со скоростью 52 км в сутки с учетом и дневок (отдыха), пересечь 350 км пустыни Кара-Кумы, 1000 км плато Усть-Урт, опасные Мугоджарские горы, леса Поволжья и Подмосковья.

Каракумы

Каракумы – одна из величайших песчаных пустынь мира. Она занимает более 70% территории Туркменистана. Маршрут из Ашхабада по Каракумам лежал через аулы Эрбент (Ербент) и Дарвазу и далее, уже за границей пустыни, шел на город Ильялы (сейчас Иыланды), пересекая Каракумы с юга на север.

Уже в 1960-е годы путешествующие этим маршрутом встретили бы на своем пути автомобильную дорогу, лагерь геологов, чабанские поселки и метеорологические станции. А тогда, в 1935 году, это была безлюдная, в большей части, безводная пустыня. Тем не менее участники пробега хорошо знали ее и неплохо ориентировались посреди однообразных барханов и бесконечных песков.

Проводником перехода был выбран председатель колхоза им. К. Ворошилова из Эрбента Непес Карахан, немало исходивший по Каракумам. Вся его жизнь прошла в здешних песках. Когда в гражданскую войну в пустыню хлынули банды басмачей, Непес оставил труд селянина и взялся за винтовку. В одном из боев вражеская пуля выбила ему глаз, что не помешало джигиту в дальнейшем отлично ориентироваться в песках. Более того, Непес Карахан стал одним из первооткрывателей залежей серы в Каракумах, когда работал проводником в экспедиции академика А.Е. Ферсмана. Знаменитый ученый поздней осенью 1929 г. верхом на верблюде приехал в пустыню в поисках залежей серы, которая прежде считалась спутницей только вулканических отложений. А Ферсман прибыл сюда, услышав о скоплении таинственных бугров (Серные бугры) у Дарвазы – Каракумских ворот (Дарваза – с персидского – ворота).

Конный пробег Ашхабад–Москва. Худ. А.Н. Комаров, 1939 г., Дарвиновский музей, Москва

Стоял ноябрь месяц, прошел буран, ночью было 7 градусов мороза, а днем воздух прогревался до 30 тепла. Путники на привале в надвигающиеся ночные холода согревались жаром от росшего повсюду саксаула. Когда на 11 день ученый подошел к первым серным буграм, то его поразила открывшийся взору лунный пейзаж. Вот как он написал в своем дневнике: «А картина вокруг была замечательная. Куда ни помотришь, валы и валы песка. Кое-где среди них огромные ровные черные площадки шоров (впадин, покрытых коркой соли), дальше – окаймленные венцом ярко-желтых сыпучих, подвижных песков красноватые площадки такыров (ровных почв, покрытых трещинами), а вокруг, как вулканы Центральной Франции или окрестностей Неаполя, как кратеры Луны, десятки отдельных остроконечных вершинок, то мелких «вулканических» конусов, то обрывистых скал. Далеко на севере и востоке рисовались новые группы бугров».

Уникальное открытие Ферсманом не вулканического происхождения серы в Каракумах, последовавшее за этим строительство на месторождении серного завода и пересечение ученым (первым в истории) на автомобиле пустыни с юга на север – все это предопределило масштабные научные исследования. Каракумы стали опытной площадкой для Академии Наук СССР. И вот через 6 лет за Ферсманом через черные пески повел свой отряд командир Соколов.

Бахардок, 1 июня.

Итак, конный пробег начался. Конники покинули Ашхабад и сразу же вступили в великую пустыню, потому что песок начинается сразу за городом. Их провожал весь Ашхабад, было много народу. А сейчас кругом – зыбучие пески. От Ашхабада до Бахардока – 80 км. Прошли их за два дня.

– Выдержат ли копыта ахалтекицев и иомудов, привыкших ходить главным образом, под плугом? – снова и снова задавал себе один и тот же вопрос командир Соколов. За людей он был спокоен. Многие из них наездили пустыню, преследуя басмачей, и были готовы к предстоящим трудностям в виде жары и жажды. А вот кони, как они перенесут испытание пустыней?

Ербент, 2 июня.

Осмотр лошадей показал, что они хорошо втягиваются в поход. Приняли решение дальше проходить по 60 км в день, а в безводной полосе и по 120 км. Впрочем, эти же

Дарваза сегодня. Слева – горящий с 1971 года кратер.

«Конный переход Ашхабад – Москва». Худ. П.П. Соколов-Скаля, 1935 г., Москва

расчеты были раньше записаны в графике.

На всем пути по Каракумам простирались бесконечные барханы, кое-где поросшие саксаулом. Лето в тот год выдалось жаркое, по великой пустыне, а потом и по Усть-Урту шли ночью, оберегая коней от палящего солнца. Изредка встречались давно не чищенные колодцы, их приходилось чистить на всю глубину, прежде, чем удавалось добыть десяток ведер солоноватой влаги. Колодец в Каракумах внешне – это просто яма в песке диаметром в полтора-два метра. Небольшие колодцы достигают глубиной 8 метров, а чаще всего 20 – 100 метров, впрочем, в местах, где вода спрятана под толщами породы, глубина колодца достигает 200 метров. Кожаное ведро и веревка – стандартный комплект для подъема воды.

Отряд формировался из заслуженных людей, участников борьбы с басмачеством, пионеров колхозного строительства. К участию в пробеге допускались лишь немногие из большинства желающих. Эта честь досталась только лучшим колхозам, и в лучших колхозах – лучшим людям. Почти все участники похода отстаивали свою родину с оружием в руках от набегов басмачей, сражались в партизанских отрядах, служили в Красной армии. Их имена были известны всей Туркмении. Им доверили нести в столицу Советского Союза славу о мужестве людей, живущих в этих суровых краях, рассказать о неутомимости ахалтекинцев и иомудов, выращенных и воспитанных в песках Каракумов.

Николай Путилин, корреспондент «Туркменской искры» вспоминал: «На однообразном фоне песков в ярком свете полной луны отчетливо вырисовываются силуэты тридцати восьми всадников. Впереди я узнаю высокую фигуру Соколова, в который уж раз возглавляющего караван всадников по пескам.

И о чем сейчас он думает, покачиваясь в седле? Может быть, вспоминает, как в такую же лунную ночь где-то неподалеку от этих мест в его грудь ударила вражеская пуля. Он лежал на бархане, а жена его, отважная женщина, делившая с мужем невзгоды боевой жизни, отстреливалась от басмачей, пока к утру не подоспела помощь. Это было как раз в тех местах, где ныне проходит Каракумский канал.

В Туркменистан Семен Петрович приехал в нелегкие для молодой республики годы. Его назначили командиром каракумской пограничной заставы Джей-Рали. Враги молодой республики еще не были разбиты до конца. И молодому офицеру-пограничнику не раз приходилось водить в бой с басмачами туркменских джигитов-добровольцев.

О Соколове я слышал задолго до пробега. Потом во время привалов, вечерами у костра я старался навести его на разговор о прошлом. О себе Соколов рассказывал очень скупое. Сын железнодорожного служащего, родился в Стрельне под Ленинградом, еще в раннем детстве оставшийся сиротой, он в шестнадцать лет взял в руки винтовку, чтобы принять участие в революции. Вместе с другими красногвардейцами брал телефонную станцию, разоружал юнкеров, засевших в Кремле.

– Как видите, ростом меня природа не обидела, – усмехаясь, говорил он. – поэтому, когда я прикидывал себе годика два, мне верили.

Начинал Соколов рядовым в пехотном полку «красного гусара» Шевченко А.М. Затем служил политработником. С 1918 г. – кандидат в члены ВКПб, с 1920 г. – коммунист. В 1922 году в Горки, где в то время находился на излечении Ленин, была набрана группа охраны, в которую также вошел и Соколов Семен Петрович. После смерти Ленина в январе 1924 года Соколов провожал гроб из Горок до самой железнодорожной станции, а позже одним из первых встал на пост у мавзолея.

После окончания в 1926 г. Объединенной военной школы РККА назначен в 47-й Узбекский пограничный отряд. Позже - переведен в Туркмению.

Удивительно, но родной брат Семена Петровича, известный художник, лауреат Сталинской премии, академик, автор работ по созданию Севастопольской панорамы, Павел Петрович Соколов-Скаля отразил в своих картинах, как в зеркале эпохи, вехи боевого пути брата. Нам хорошо знакомы такие живописные работы Соколова-Скаля, как «Путь из Горок» (1929), «Штурм Зимнего дворца», «Боевой подвиг пограничника Валентина Котельникова» (1935), «Пленный курбаши» (1935). В 1934 г. Павел Соколов-Скаля отправился в командировку в Среднюю Азию, где провел в Каракумах и на границе Туркмении два месяца. Изучал историю борьбы с басмачеством. Художник вспоминал: «Работа в пустыне мне дала очень много. Суровая скупая природа настраивает глаз на точное наблюдение, заставляет лаконичней и четче выражать видимое. Характеры людей в этих местах очерчены резче – внешность ярче и монументальней». Именно работа Соколова-Скаля «Конный пробег «Ашхабад – Москва» (1935), представленная на выставке Туркменского искусства в Музее изобразительных искусств в Москве и приуроченная к знаменитому походу, вызвала у участников пробега наибольший интерес. 31 августа 1935 г. прошла встреча конников и художников.

Чаепитие в Каракумах. Фото слева П.А. Пяткова, справа - Ю. Кузнецовой.

Парторгом пробега утвердили кандидатуру пятидесятипятилетнего колхозника из Теджена из сельхозартели им. Атабаева Габыша Мамыша. До революции Габыш пас байские стада как раз в тех местах, где пролегал маршрут. Заместителем командира назначили Ефима Романовича Лемана.

В Ташаузском оазисе к отряду присоединилась еще небольшая группа колхозников. Среди них особенно выделялся своим могучим ростом Ак-Тельпек Нагиев (Нагы). Привлекали всеобщее внимание не только высокая стройная фигура джигита и длинная черная борода, но и стан, мужественно перетянутый трофейным патронташем. Свое прозвище «Ак-Тельпек» он получил, потому что никогда не расставался с огромной белой папашой. Не расставался он также с винтовкой, полученной как награда за отвагу в схватках с бандами Джунаид-хана – самого известного главаря басмачей в Туркмении, банды которого прятались в песках Кара-Кумов вплоть до 1931 г., совершая дерзкие и жестокие налеты на аулы, поселки геологов и даже города, убивая мирных жителей, сжигая дома, сельскохозяйственные и рабочие постройки.

Молодежь пробега возглавлял комсорг, марийский колхозник Меред Бабаалиев. Позже он, как и многие другие его товарищи, сражался с гитлеровцами и погиб смертью храбрых.

4 июня. Вчера днем жара 60 градусов, на сегодня обещают еще больше. «Беречь воду!» Каждый всадник, кроме фляжки, имеет специальный мешок с водой. Твердая норма поения лошадей. Люди приучают себя пить по разрешению маленькими глотками. Экономили каждую каплю воды, строго соблюдая питьевой режим.

Дарваза, 8 июня.

Сегодня к обеду подошли к Дарвазе. Дарваза – по-туркменски значит «ворота». Две красно-бурые сопки, где добывается сера, действительно похожи на ворота.

Бывшие кочевники, работающие здесь, встретили конников тепло и радушно. О том, что отряд идет через пустыню, они слышали, оказывается, по радио. С водой и здесь на заводе дела обстояли плохо – ее было мало. Ради путешественников подвоз воды усилили, но она оказалась настолько соленой, что кони отказались ее пить. Пришлось лошадям воду вливать силой через нос. Как они мучились, нужно было видеть,

Ковер «Конный поход Ашхабад – Москва», размер 331 на 202 см, соткан в Ашхабаде на ковровой фабрике «Туркменсоюз» в 1937 году.

Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства, Москва.

Ахалтекинец. Фото Юлии Кузнецовой.

но другого выхода не было. В Каракумах говорят: «Есть вода, есть и человек. Нет воды, и человек высохнет в песках так, как будто его совсем и не было!»

9 июня. От Дарвазы начинается самый сложный 350-километровый путь, совершенно лишенный воды. Предстояло заложить несколько баз, местоположение которых было намечено еще при рекогносцировке пути Ашхабад – Актюбинск. Машины поехали вперед, и вдруг - известие - техника не смогла пройти до места! Значит, путь отрезан. Непес Карахан, помполит, предложил провести партийное собрание. Собрались. Больших разговоров не было. Решили, что коммунисты вместе с 5 комсомольцами прервут дневку и двинутся с машинами вперед.

Так и сделали. Этот поход продолжался ровно 36 часов. Донимала жара. То и дело приходилось ломать саксаул и настилать для машин дорогу. В общем, справились. В трех базах оставили воду, сено, овес, продукты для людей. За полтора суток сделали туда и обратно 500 км, после чего усталые, но довольные, что пробег продолжается, вернулись в Дарвазу.

База №2, 11 июня.

Пришли поздно вечером. На базе №1 был привал. За день сделали 120 км – как раз треть пути по сплошному безводью.

12 июня. В 1 час ночи отряд достиг границ Кара-Кумов, преодолев труднейший этап за три дня. Суточные переходы достигали 90 км, шли ранним утром и поздним вечером с короткими остановками для сна.

Из воспоминаний кинооператора П.А. Пяткова:

«Солнце – друг оператора-хроникера. Снимая парады, маневры, высокогорные походы, пробеги, научные экспедиции, оператор-хроникер работает при естественном освещении. Скроется солнце за тучи, нахмурится небо – и оператор хмурится.

Я с солнцем скандалил. Без солнца я работать не мог. Оно же в Каракумах и на Усть-Урте светило чересчур щедро, а от Оренбурга до Рязани скупилось.

В Каракумах температура воздуха переваливала за 60 градусов жары. Вставала тысяча новых препятствий. В полдень солнце было в зените, а при вертикальном свете снимать нельзя. Солнце беспощадно жгло голову и плечи; ноги, утопавшие в песке,

Участник пробега Ак-Тельпек-Нагы

погружались словно в горячую ванну. Помимо всего приходилось всячески оберегать от солнца аппарат и пленку.

Не имея легких камер, я таскался с тяжелым деревянным аппаратом «Эклер», штативом и одеялом, которым укрывал аппарат от губительных лучей каракумского солнца. С такой нагрузкой я не мог требовать, чтобы мне предоставили коня, и передвигался на грузовике и пешком. Чтобы заснять проходы, приходилось на грузовике заезжать вперед. Установив аппарат, тщательно укрыв его от солнца и сняв головку, я садился рядом. Проходило несколько часов томительного ожидания на солнцепеке, пока, наконец, черные тельпеки всадников не показывались между барханами. Начиналась гонка. Я крутил ручку, потом, схватив аппарат и одеяло, стремительно бежал к следующему намеченному пункту... Опять крутил. Опять бежал. Однажды закружилась голова, подкосились ноги... Земля вдруг оторвалась от ног и куда-то провалилась.

Очнувшись, заметил, что колонна проходит наиболее интересное место, и бросился к аппарату.

Вечером, думая о случившемся, решил установить для себя жесточайший водный режим. Фляга в сутки. Меньше воды – меньше потения, значит, больше сил.

В Каракумах машина часто буксовала. Приходилось всем, без различия звания и ранга, ломать саксаул и устилать им дорогу для автомобилей. В таких случаях, оставив всадников на одном привале, на следующем мы заставляли их располагающимися на отдых. Однажды, наоборот, выехав вперед на рекогносцировочном автомобиле, я с ветеринарным врачом Деевым надолго оторвался от колонны. Трое суток мы вдвоем провели в Каракумах в ожидании отряда, слушая концерты шакалов».

Усть-Урт

Из Ильялов конники направились в низовья Амударьи, а затем через Усть-Урт по западному берегу Аральского моря. Путь проходил по тем местам, где сейчас идет газопровод Средняя Азия – Центр. Теперь здесь кипит жизнь, построены поселки обслуживающего газопровод персонала, проложена дорога. А тогда в течение добрых двух недель они не встретили ни одного человека. С водой здесь, пожалуй, было труднее, чем в песках. Единственное водное изобилие конники получили в колхозе «Коммунист», которого достигли 15 июня. Всех пленил большой колхозный сад. После серой пустыни приятно было не только есть фрукты, но даже и смотреть на зреющие абрикосы. Впервые за весь пробег предоставилась возможность искупаться. Плавали в пруду по несколько заходов.

Кладбище Демираджан-Ата, 16 июня.

Итак, отряд в Кара-Калпакии. Наверху замерли белые древние гробницы. Конники вышли на Усть-Урт. Гигантское плоскогорье стелется до самого горизонта. Сзади поблескивает суровый Арал, с побережья которого путешественники недавно поднялись.

Переход через пустыню

С высоченной кручи джигиты обозревают окрестность. Последние 90 км шли по сплошной топи. Местность эта остроумно названа «Айтма», что по-русски значит: «и не говори». Тучи комаров облепили отряд еще у входа в долину. Лошадей заранее облачили в балахоны, сами всадники вооружились ветками. Свист этих веток и тонкое комариное жужжание заглушали, казалось, даже хлюпанье воды. Потом напали оводы. Их было так много, что я вспомнил саранчу. Действительно, «Айтма»!

19 июня. Отряд достиг Урги – крохотного рыбацкого поселка у Аральского моря под крутым утесом Усть-Урта.

Родник Сулама, 22 июня.

Уже 4 дня, как оторвались от Урги и идем по Усть-Уртскому плоскогорью. Куда ни глянешь, повсюду только полувывышенная солнцем ковыльная степь. Со снабжением дела ниже среднего. Болота, отделяющие Ургу от самого Ташауза, затрудняют подвоз, машины не успевали подвозить воду. Занялись самоподготовкой. По скалам добывали дикорастущую люцерну, косили ее ураками – короткими туркменскими серпами. В скалах находили и роднички.

Плато Усть-Урт с востока круто обрывается к Аральскому морю, и этот обрыв в 30 – 40 метров высотой образует западный берег Аральского моря. Тут у подошвы отвесного обрыва кое-где выбиваются ручейки пресной воды. Но коню к воде доступа нет. Даже легкий джайран и тот, как мы не раз наблюдали, с трудом спускался с обрыва.

Помню один вечер на Усть-Урте. Солнце клонится к закату. Скоро ночлег. После многих часов, проведенных в седле под июльским солнцем, вечером неудержимо тянет прилечь на траву, отдохнуть перед испытаниями следующего дня. Но надо добывать воду. Пришлось вручную поднимать на 300-метровое плато 800 ведер воды из небольшого ручья. Организовали соревнование между двумя отделениями. Обвязавшись веревкой вокруг пояса, как это делают альпинисты, всадники живой лестницей располагались по обрыву, упираясь ногами о какой-нибудь выступ скалы. Стоявший внизу у самого источника передавал вверх по этой цепи воду, ведро за ведром, пока четыре десятка коней и столько же людей не утоляли жажду и пока не создавался запас воды на утро. Самый сильный человек в отряде Самед Хайдар поднял целую бочку. Победило первое отделение, командир Янар. Итоги соревнования опубликовали в «стенной газете». Вечером пришли машины с горючим.

А еще по ночам нужно было готовить аэродромы – посадочные площадки, засыпать на них рытвины, убирать камни. На Усть-Урт продукты и фураж доставлял самолет, легкомоторный ПО-2, который не мог взять много груза. Крылатого гостя приходилось встречать почти каждый день. Сначала где-то вверху слышался рокот мотора, самолет садился, разгружался и быстро улетал, ловя последние минуты угасающего дня. После ужина комсорт Меред Бабалиев при свете костра и фонаря «летучая мышь» читает вслух свежие газеты. Самолет привозил газеты и письма от родных нерегулярно, особенно когда шли через Каракумы, Усть-Урт и Мугоджарские горы. Но какая это была радость, когда вместе с мешками фуража и провизии доставляли пачку газет и писем. Сводки сообщают о конном пробеге. С нами была походная выючная радиостанция, вернее, передатчик. Ток давала динамо-машина, приводившаяся в движение вручную. По рации в Ашхабад передавались донесения командира Соколова, корреспонденции для газет строго ограничивались 20 – 30 словами. Много ли в них расскажешь?

У дверей здания, где размещались редакции газет «Туркменская искра» и «Совет Туркменистана» была вывешена карта, на которой цветным карандашом прочерчивался маршрут пробега, а флажками отмечалось местонахождение отряда. Перед картой всегда толпились люди, и, когда сотрудник редакции втыкал новый флажок, означавший продвижение коников еще на 50 – 100 километров на север, вспыхивали аплодисменты.

Командир командует «отбой» и все кроме часовых укладываются спать у костра.

У колодца Сенд-Бай, 24 июня.

Снова мы на границе песков. Это – Барсуки. Они смахивают на Кара-Кумы, но только нет саксаула, который так выручал нас в пути. «Что подкладывать будем?» – жалуется наш повар. – На чем шашлык жарить будем?» Конечно, он шутит.

27 июня. На озере Чушка-Куль, 30 июня.

Опять мы расположились у старого, давно заброшенного кладбища. Эти кладбища хороши тем, что тут всегда находишь воду. В самом озере воды нет, а лишь жидкая грязь, покрытая сверху соленой пленкой. Здесь встретились с товарищами из Казахстана.

Совхоз «Эмба», 8 июля.

Тысячекилометровый переход по Усть-Урту не менее труден, чем через Кара-Кумы. После вынужденного «сиденья» пришлось наверстывать упущенное – 5 суток шли по 80 – 100 км. За 12 дней пути через Усть-Урт и Мугоджары не встретили ни одного человека. Тысячекилометровый переход по пустыне закончен. Навстречу нам съехались кочевники из соседних районов. Местные партийные организации решили провести «день коня». Войлочные юрты и сейчас облеплены лозунгами на 3-х языках. Отсюда нам легче будет идти: климат здесь влажный, вдобавок прошли сильные дожди. Уже в Мугоджарских горах лошади стали потеть. Зато кончилось безводье. Можно было бы рассказать об этапах и более сложных, и более трудных. Например, о коварстве предгорий Мугоджар, где представляли грозную опасность карстовые явления. Сотни километров приходилось вести коней в поводу, по-волчьи, след в след, чтобы ни один не провалился в подземную промоину.

Поволжье и Оренбуржье

Если в степях южного Казахстана мы испытывали нехватку воды из-за ее отсутствия в колодцах, то в Поволжье нас накрыли ледяные дожди и пронзительные ветры, столь непривычные для жителей Туркмении.

Но самые большие трудности начались за Оренбургом. Когда мы выходили из Ашхабада, термометр показывал плюс 46 в тени, а в Поволжье нас настигла полоса холодов, какие нередки здесь в конце лета. Температура по ночам падала до 10 – 12 градусов. Как это перенесут люди, особенно если их организм ослаблен переутомлением, неизбежным в условиях длительного перехода. А кони? Ахалтекинские и иомудские кони не привыкли к летним холодам, грязи и распутице. Однако настойчивость, упорство, выдержка людей и выносливость коней помогли преодолеть все эти трудности.

Колонна участников перехода на марше в Поволжье.

Люди болели, но не покидали седла. Ни одного отставшего, ни одного часа опоздания. График похода не нарушался. Весь переход был непрерывным испытанием мужества и упорства и вместе с тем ярким подтверждением того, как велика, многообразна и щедра наша Родина.

Однажды мы остановились в селе Преображенка под Оренбургом. Кругом бескрайними просторами простиралась засеянная хлебом поля. Местный хлебороб, узнав, что молодой колхозник Меред Бабалиев уже передовик в своей сельхозартели, восхищенно сказал: «Ого! Молодец! А какая у вас урожайность? Как пшеница? Сколько зерна собираете?»

– Нет, – понял его вопрос Меред, – пшеницы нет. У нас пахта, хлопок.

– А у нас – вот! – И оренбуржец широким жестом показал на бескрайнее золотистое море, плескавшееся за околицей.

– И сколько с гектара? – спросил Меред.

– Да пудов 130 – 150 будет в этом году.

Для большей убедительности парень из Преображенки начертил прутиком на придорожной пыли.

– Вах, вах, – в свою очередь удивился Меред.

9 июля. Сегодня решили дать лошадям отдых, а завтра войти в Актюбинск. Мы начали отставать от графика, поэтому старались обходить часто встречающиеся населенные пункты, где нас стремились задержать, чтобы накормить. В пути голодали, а здесь маемся от переедания. При приближении к Актюбинску наступила ночь. В темноте один из всадников вместе с конем провалился в неглубокую яму. К счастью, серьезных ушибов они не получили и продолжили путь.

10 июля. Актюбинск

От Эмбы прошли 150 км, имея в пути одну дневку. У станции Аккемир попали под ливень. Халаты вымокли до нитки. Десять лошадей стали температурить. У Актюбинска вышли на железную дорогу. Одним из ответственных моментов пробега для ки-

нооператора был выход к железной дороге после продолжительного пути по безлюдным Кара-Кумам и Усть-Урту. Упустить этот момент для него было преступлением, но ... От дождей глинистая поверхность плоскогорья размокла, и грузовик буксовал. На коня с аппаратом садиться было нельзя – коню тяжело, а пешком не дойти. Колонна всадников ушла вперед...

Пятков снял брезентовый плащ и бросил его под колеса автомобиля. Ехавшие на грузовике научные работники вошли в отчаянное положение киношника и последовали его примеру – бросили свои плащи под колеса машины. Так, подстилая под задние колеса плащи, насквозь промокшие, они все и добрались до железной дороги.

Джигит Ак-Тельпек большую часть жизни провел в Кара-Кумах. Он раньше никогда не видел паровоза и вдруг ... поезд. Ак-Тельпек поскакал вперед, резко остановил коня около рельсов, замер в изумлении и, когда тяжелый состав прошел мимо и скрылся вдали, спрыгнул наземь, припал чутким ухом к гудевшим рельсам и долго, затаив дыхание, слушал. Прекрасный момент! Может ли повториться у Ак-Тельпека такое яркое выражение восхищения? Может. Но для этого надо, чтобы Ак-Тельпек на стратостате взвился ввысь и оттуда увидел величественную панораму нашей преобразенной страны.

В Актюбинске путешественников встретили казахские друзья, обильно угощая бешбармаком и кумысом. Пообедав, конники решили продолжить путь, однако жители колхоза «Социалды Джол» устлали всю дорогу прекрасными туркменскими коврами, на которых были расстелены скатерти с чашками плова и бешбармака, пиалами, наполненными кумысом. И хотя остановка здесь не предполагалась, чтобы не отставать от графика, но приглашение было сформулировано весьма настойчиво: «Не хотите отведать наше угощение – идите прямо через стол, если у вас хватит на это смелости». Смелости, конечно, у конников не хватило. Придется впереди наверстывать опоздание.

17 июля. Непрерывающиеся дожди превратились в настоящее бедствие, превращая овраги в бушующие реки, через которые отряду приходится переправляться чуть ли не в плавь. Очень тяжело идут кони. В ближайшие населенные пункты войти нельзя в связи с очагами заболевания животных (эпизоотии). Промокли все до основания – и кони, и люди. Сложенные на машине палатки и другие вещи превратились в промокшие тряпки. Всадники поражаются стойкости и здоровью скакунов, которые упрямо двигаются к намеченной цели: вперед, в Москву!

20 июля. Бузулук. Двое суток идет дождь. Конюшен в городе нет, пришлось лошадей оставить под дождем, накрыв попонами. Решили сократить переходы до 67 км. Сократили и выдачу корма, иначе желудки лошадей не справятся. И здесь прихватил дождь, а в городе конюшен нет. Почти 2-е суток ахалтекинцам пришлось дрожать под дождем. Эх, этот дождь сейчас бы в Кара-Кумы, где дорога каждая капля пресной воды!

23 июля. Куйбышев.

Более тысячи человек торжественно встретили нас за городом в селе Мойке. Потом был митинг в центре на площади, у памятника Чапаеву. Колхозники привели своих коней, чтобы показать нам. 105-летний дед Ларион (Ларион Викулович Якимов), держа пудовый каравай, произнес речь: «... Други наши, братья наши... Колхоз у нас – лучше не сыщешь. Народ огненный. Хлеба – не поесть. Нас 4 человека, а еще сейчас лежат пудов 40 с прошлого года. В прошлом году заработал 100 трудодней. В этом – под 60 уже. Лапти плету. По полям бегаю. Где увижу, плохо работают – подтягиваю. Инспектор качества! Я – старик беспокойный. Меня в колхозе боятся». Он говорил медленно, и знавшие русский язык участники пробега успевали переводить его слова для туркменских всадников. В этот же день было устроено катание на самолетах.

В одном из сел за Куйбышевым была назначена дневка. Но отдыхать не пришлось. Узнав, что в колхозе медленно идет обмолот зерна, участники похода встали у молотилок и веялок.

За Волгой отряду пришлось идти лесными проселками. Могучий бор принял всадников под свою прохладную сень. Картина и вовсе непривычная для жителей степных просторов. «Как разнообразна, как необъятна наша страна», – говорили они. А ведь добрая треть всего маршрута пролегла по местности, где не было ни дорог, ни жилья.

На марше

Въезд участников пробега в Москву

4 августа. Мокшан. Недавно, у Актюбинска всадники вышли на железную дорогу, а расстаться с ней приходится у маленького городка Мокшан. Шли ночью по дороге через лес и никак не могли дойти до немецкого колхоза, где намечалась дневка. Здешние леса удивляли джигитов. На родине они привыкли к небольшим корявым деревьям с изогнутыми стволами. А здесь – высоченные исполины, верхушки которых уходят в небо. – «Значит, вот где растут телеграфные столбы», - говорят туркмены, улыбаясь.

16 августа. Рязань. Прибыли сюда вечером, и тут встретил дождь. На это раз приятный – из живых цветов. Встреча была торжественная, только лошади из-за обилия цветов впадали в легкую панику. Зато теперь привыкли к климату и к строю.

Встречали туркменских джигитов везде прекрасно! Весть о приближении отряда далеко опережала всадников. Радушные встречи ждали их в каракалпакских, казахских, оренбургских, поволжских, рязанских городах и селах. Возникали митинги, на которых всадники передавали братский привет россиянам из далекой Туркмении. Чтобы поздравить посланцев из Туркмении, сходились люди из далеких сел, отстоявших на десятки километров от маршрута. После традиционного вручения хлеба-соли и приветственных слов гости и хозяева усаживались за столами где-нибудь в саду или на самой большой площади села.

При въезде в русские селения конников встречали танцами. У кинооператора Пяткова сердце ныло: «Ах, если бы снять танец туркмена!» И однажды, когда особенно лихо играла гармонь, и заманчиво плясали девушки, он подтолкнул джигита: «Смотри, как девушки хороши! Как радуются нашему приезду! Плясать джигитов приглашают. Пляши! Пляши с девушками!» Не вытерпел джигит. Ударил тельпек о землю, схватил его вновь и пошел в пляс. Это был отличный кадр!

Москва

Всадники двигались по обочине шоссе. Москва становилась все ближе и ближе! Впереди, справа, на гнедой лошади ехал командир похода Семен Соколов, а рядом – на сером коне – помощник командира Ефим Ламан. Позади них ехали в ряд Баба Алиев

и Непес Караханов, за ними следовали бессменный знаменосец героического похода Яныр и другие участники похода.

30 мая выступили они из Ашхабада и ехали 82 дня. Дни сменялись ночами, проходили недели, месяцы. Песчаные пустыни чередовались со степями. Мелькали селения. Оставались позади города. Лили дожди, и дули ветры, зной сменялся холодом. Отряд шел вперед. Качался на молодом текинце Алгуше самый молодой в походе 19-летний колхозник Курбан Овез Гельды, и улыбка, наивная и любопытная, светилась на его коричневом лице.

Самый опытный участник похода – Габыш-Мамыш – сидел почти неподвижно на своем сером Кир-Ате, а рядом покачивался неунывающий Сапар Кули Сахат Берды – руководитель охраны полей в своем колхозе.

Ничто не изменилось с тех пор, и все осталось здесь, на последних километрах, почти таким же, каким было при выходе из Ашхабада: здоровые люди, свежие кони. А между тем позади 82 дня и 4000 км.

Горячая кровь древней породы сделала лошадей неутомимыми.

19 августа. Бронницы. Москва! Никто из туркмен – участников пробега – не был в ней. Более того, только двое – Яныр и Чары – были за пределами своей Туркмении. Теперь всадники въезжают в столицу. Цветов столько, что они не вмещаются в руках. Поводы скрыты цветами. Цветы осыпаются, цветы застревают на гривах лошадей, падают под ноги коням. Букеты летят со всех сторон, даже с неба – эскадрилья самолетов, приветственно кружась над шоссе, сбрасывает сверху цветы.

Еще далеко Люберцы, но все гуще, все теснее стоят люди. Окрестные колхозники, рабочие заводов, летчики, дети, делегации рабочих Москвы. Гремят оркестры. Заглушая их, разносится «ура». Хлопанье в ладоши становится оглушительным, когда горячо и радостно аплодируют тысячи человек. Пионер Юрий Шутов преподнес цветы Баба Алиеву.

Большое поле, еще несколько минут назад пустое и казавшееся огромным, когда все хлынуло сюда, становится тесным. Огромная толпа со всех сторон окружает участников похода. Они спешиваются. Быстро заканчивается короткий митинг. Двери конюшен гостеприимно распахнуты.

Встреча участников пробега на Красной площади в Москве

Лошади разведены по стойлам. Расслаблены подпруги, сделан ежедневный массаж, в кормушки положено свежее сено. В маленькой комнате уже расположена лаборатория. И неугомонный Карасев – научный работник, сопровождавший участников перехода, согнулся над микроскопом. Его прищуренные глаза исследуют очередную пробу крови коней.

Люберцы. Вот и конец. Утром вышли из Бронниц. Вечером – в Люберцах. Последний переход. Если выйти на пригорок, то вдалеке, в вечернем мраке над темной длинной тучей отсвечивают огни. Это уже огни Москвы. Все ближе и ближе Москва. Скоро конники увидят ее. Кони в полной исправности, в порядке и люди. Отсталых нет. Еще день, и они скажут:

– Здравствуй, Москва, столица нашей великой родины! Привет городу, ставшему символом освобождения трудящихся всего мира! Привет правительству нашей великой социалистической державы и нашему другу, учителю и вождю, тов. Сталину!»

22 августа. У Абельмановской заставы.

...На 84-й день после выхода из Ашхабада всадники вступили в столицу. Их радостно и торжественно встречала многотысячная и многоголосая Москва. У Абельмановской заставы вдали справа показалась высокая трибуна. Ровно в 6 часов вечера громадные черные папахи, колыхаясь, приблизились к трибуне, убранной туркменскими коврами.

Командир пробега Соколов командует: «Рысью марш!»

На крупной рыси его конь грудью разрывает красную финишную ленту. Всадники выстраиваются в шеренгу перед трибуной, на которой стоят заместитель наркома обороны маршал Михаил Тухачевский, председатель президиума ЦИК Туркменской ССР Недирбай Айтаков, председатель Осоавиахима Роберт Эйдеман.

Командир Соколов отдает рапорт.

Приветствуя от имени Ворошилова и Красной армии туркменских конников-колхозников, Тухачевский говорит:

– Сегодня мы встречаем колхозников-ударников Туркмении, совершивших героический поход. Они шли в Москву почти три месяца по пустынным пескам, в жару,

Участники пробега в Кремле возле ядра к Царь-пушке

в условиях разной погоды. Для Красной армии этот поход – большой праздник. В будущей войне роль конницы велика. Советский Союз имеет громадные резервы бойцов-конников, в Советском Союзе есть прекрасные туркменские лошади. Наши конники сумеют отстоять границы родины. Пусть знают враги, что, если они сунутся на нашу территорию, их встретят громадные массы штыков и сабель конницы, которая нанесет им жесточайшее поражение.

Начинается торжественное шествие по Москве. Перед тем, как въехать через заставу в заветную Москву, они отдали дань обычаям родной страны. Обычай требует, чтобы джигит, собравшийся в гости к близким сердцу людям, украсил своего коня самым дорогим украшением. На грудь ахалтекинцев и иомудов каждый из всадников повесил красные бархатные нагрудники с вышитыми золотом названиями своего колхоза. Москва, лентой вытянувшись вдоль улиц, приветствовала героев с цветами в руках у ворот домов, на тротуарах, в окнах и даже на крышах; Москва бросала цветы к копытам туркменского коня, покрывшего себя славой невиданного 4300-километрового перехода. Девушки выбегали на мостовую и дарили всадникам цветы. Цветами украшены папахи и халаты всадников, седла и уздечки. Особенно много роз досталось самому юному участнику пробега Или Ташли из Каракала. Этот красивый юноша всякий раз краснел и смущенно улыбался, когда к нему подбегала девушка, чтобы пожать руку и передать букет.

Позади Красные ворота, улица Кирова, площадь Дзержинского. Всадники въезжают на Красную площадь, выстраиваются перед мавзолеем. Яркая процессия на горячих конях, эскортируемая кавалерийскими воинскими частями и восторженно приветствуемая населением столицы, движется к Красной площади. Цокают копыта ахалтекинцев и иомудов по граненой мостовой. Кони в волнении перебирают ногами. В глубокой тишине два лучших колхозных джигита песчаной республики – Габыш Мамыш и Непес Карахан – несут громадный венок из алых роз к мавзолею.

К 9 часам вечера всадники показали у ворот Центрального Парка культуры и отдыха им. Горького. Финиш у Зеленого театра. Верхом на лошадях джигиты въехали на его огромную сцену.

Участников пробега приветствуют т. Гусев (московский совет Осоавиахима) и Тимофеев (секретарь московского облпрофсовета), который сообщает о решении президиума наградить каждого конника от имени трудящихся Москвы лучшей тульской двустволкой. Отряд пионеров вручает спешившимся всадникам наградное оружие.

С ответными речами выступают джигиты. Они говорят об огромных успехах Туркмении, о своей готовности в любой момент стать на защиту социалистической родины, давшей им счастливую жизнь.

Пробег закончен.

На следующий день конников принимал в Кремле Михаил Иванович Калинин. Он вручил им ордена Красной Звезды. К.Е. Ворошилов наградил всех участников перехода именными золотыми часами. Принял гостей и Н.С. Хрущев.

Быстро пролетели 10 дней, проведенных в столице. И вот уже подан специальный литерный поезд. Раздается гудок. «Прощай, гостеприимная Москва!». Нас ждет Туркменистан.

Возвращение Ашхабад

Необычайное оживление царило в столице Туркменистана 13 сентября 1935 года. День был не праздничный, но по просьбе трудящихся объявлен нерабочим. Тысячи людей вышли на улицы. Они выстраивались на Привокзальной площади вдоль проспекта Свободы, на площади Карла Маркса. Над их головами вздымались транспаранты: «Горячий привет славным джигитам!», «Туркменистан приветствует своих отважных сынов!». В этот день участники конного пробега Ашхабад – Москва возвращались в родные края.

10 часов утра. К перрону Ашхабадского вокзала медленно подходит специальный поезд. Гремит медь оркестра. Раздается громкое «ура!».

Джигиты выходят из вагонов, выстраиваются. Командир пробега Соколов рапортует председателю Совета Народных Комиссаров Туркмении К. Атабаеву о том, что задание Компартии и правительства республики успешно выполнено.

Вот и кони выведены из вагонов. В строю «справа по два» всадники медленно движутся сквозь строй встречающих к площади Карла Маркса. Знамя конного пробега Ашхабад–Москва, которое 28 туркменских колхозников пронесли по необъятным просторам нашей Родины, стало знаменем дружбы народов советской страны, пробег вошел в историю и как замечательное спортивное достижение, и как героический конный пробег, став непревзойденным достижением людей и коней.

После пробега

Читателей, может быть, интересует, какова дальнейшая судьба участников пробега? Многие из них в 1941 – 1945 гг. встали на защиту Отечества.

Комсорт похода Меред Бабалиев, награжденный орденом «Красная Звезда» в 1935 г., в 1939 г. был награжден медалью «За трудовое отличие». Во время Великой Отечественной войны командовал стрелковым взводом в 228 стрелковой Вознесенской дивизии. В боях за Чехословакию в декабре 1944 г. одним из первых вместе со своим взводом ворвался в село Косиговце и удерживал рубеж до подхода основных сил. Был смертельно ранен и похоронен в освобожденном от фашистов городке. За проявленные в этом бою мужество и отвагу был посмертно награжден орденом Отечественной Войны I степени. Воевал и Эсен Хыдыров.

Николай Иванович Путилин в 1937 г. во время массовых сталинских репрессий был предупрежден о предстоящем аресте Семеном Соколовым, и в одну ночь он с семьей тайно оставил обжитый Ашхабад и уехал во Фрунзе, где стал редактором Киргизского телеграфного агентства. В 1942 г. Н. Путилин закончил краткосрочные курсы военно-политической школы в Ташкенте и был направлен в Москву в резерв политработников при Главном политическом управлении РККА.

Войну Николай начал в Калуге, а дошел до Берлина. О чем и написал на стенах Рейхстага: «Калуга-Берлин». Занимал руководящие должности во фронтовых газетах. За боевые заслуги был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени.

Николай Путилин со своим автографом «Калуга - Берлин» на стене Рейхстага, май 1945 г.

Соколов Семен Петрович во время войны занимался агентурной разведкой в разведотделе при штабе Северо-Кавказского фронта. Из наградного листа: «В исключительно трудных условиях, которые складывались на Южном направлении летом 1942 и 1943 гг., умело организовал специальную разведку с учетом специфики региона. Быстро учел особенности обстановки и условия работы агентуры на Северном Кавказе и организовал подбор людей и обучение. Сам непосредственно подбирая состав средств организации агентурной разведки. При его личном участии организован ряд радиофицированных резидентур в тылу врага, работавших по 4 – 5 месяцев и дававших ценные сведения о группировке, передвижении, дислокации штабов, расположении баз противника. Эти данные при сопоставлении других данных о противнике позволяли правильно определять группировку врага и следить за его мероприятиями. Тов. Соколов своевременно предусматривал предстоящие задачи на будущее и соответственно им готовил кадры агентов».

Награды Соколова С.П.: орден Красного Знамени (1943), орден Красной Звезды, медаль XX лет РККА, нагрудный знак «Почетный Чекист».

С Соколовым Николай Иванович Путилин дружил всю жизнь. После отставки Соколов приехал навестить друга в Ашхабад, где Николай Иванович занимал руководящие посты сначала в «Туркменской искре», потом в газете «Большевик» и «Коммунист».

Друзья прошлись по улицам города. Все удивляло и восхищало Семена Петровича. Долго сидели у фонтанов на площади Карла Маркса и вспоминали тот майский вечер, когда эта площадь была полна народа, звучала музыка, раздавалось ржание коней.

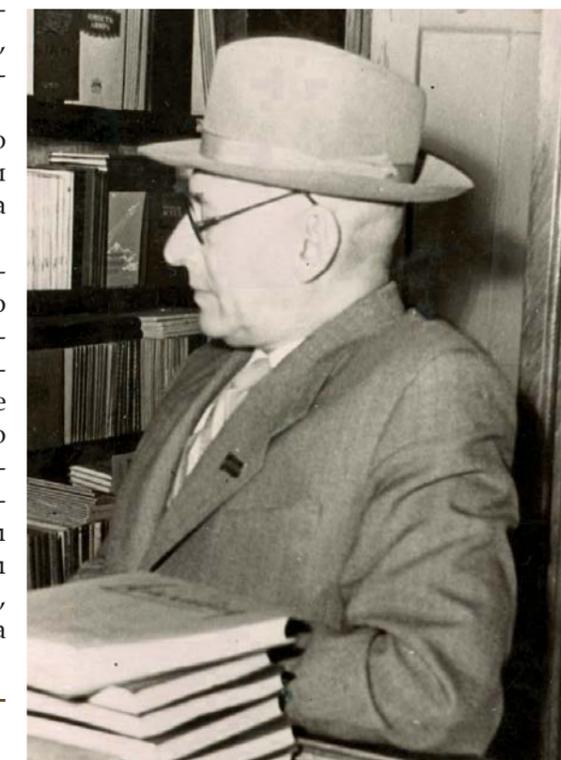
Николай рассказал, что встречался недавно с Непесом Караханом. Теперь он пенсионер и по-прежнему живет в своих родных краях, на Серном заводе.

Друзья узнали, что участники конного пробега Бекмурад Аннамурат и Ашир Кулибек во время войны сдали в фонд обороны самое дорогое, что у них было, — наградные именные золотые часы, полученные от Калинина. А еще стало известно, что во время парада на Красной площади в июне 1945 г. маршал Георгий Жуков восседал на ахалтекинце Арабе, том самом, из похода «Ашхабад – Москва».

Николай Иванович Путилин последний год своей жизни прожил в Дмитрове, где и был похоронен.

Двое внуков были названы в его честь Николаями.

Н.И. Путилин, 1970-е, Ашхабад

Маршал Г.К. Жуков на ахалтекинце Арабе принимает Парад Победы 24.06.1945 г.

Участник пробега 1935 года Эсен Хыдыров (в центре), Ашхабад, 1986 г., фото А. Туманова

Дело в том, что колхозники из колхоза имени К. Е. Ворошилова, отправляя в поход своих конников Бек Мурада и Ашир Кули на лучших лошадях – чистокровном Арабе и полукровном Дор-Депеле, – наказали лучшего коня подарить товарищу Ворошилову. «Посылая этих коней, колхоз хотел узнать, какую же лошадь следует выращивать: чистопородную ахалтекинскую или приливать кровь».

Ахалтекинский жеребец Араб серой масти родился в 1930 году в Туркмении в колхозе им. К.Е. Ворошилова от Аг Ишана и Ата Гуш. После пробега 1935 г. Араб был подарен С.М. Буденному. Так как в войсковых соединениях лошадям для учета присваивают кличку по году поступления, а в 1935 г. действовала буква «К», то Араб стал Казбеком.

Счет спортивных успехов Араба-Казбека начался с 1938 года и продолжился до 1947 года, когда он, уже 17-летний, на Всесоюзных соревнованиях выиграл свой последний конкур на «Кубок СССР». Араб-Казбек всегда был первым и в дистанционных пробегах, и в преодолении препятствий, и в «Первенстве строевой лошади», были и такие соревнования, куда входили конкур, манежная езда и полевые испытания; с удовольствием выполнял элементы высшей школы верховой езды.

В 1945 г. Арабу-Казбеку было 15 лет. В 1947 году его отправили в Казахстан в Джамбулский конный завод в качестве производителя. И здесь он проявил свой талант, став основателем собственной линии в породе, оставив много отличных лошадей, в том числе великолепного продолжателя линии, феноменального Абсента – чемпиона и призера по выезде трех Олимпийских игр.

Это все удалось узнать благодаря исследовательской работе Юлии Николаевне Кузнецовой, сотруднику Музея коневодства.

Мало того, Юлия Кузнецова стала одной из тех, кто продолжил историю конного перехода «Ашхабад-Москва». На протяжении многих лет она не только рассказывает об этом походе со страниц газет и журналов, но и сама трижды принимала участие в конных походах по Каракумам. А это значит, что история героического конного пробега 1935 г. не исчезнет в небытие, и, возможно, люди и кони когда-нибудь вновь будут как братья.

Приведем ниже ее рассказ о конном пробеге «Ашхабад – Куня – Ургенч – Ашхабад».

Из воспоминаний Юлии Кузнецовой

«В 1986 году под девизом «Дорогой славы отцов» состоялся, так называемый, «транскаракумский» конный пробег по маршруту Ашхабад – Куня-Ургенч – Ашхабад. Его первая часть в точности копировала маршрут знаменательного пробега 1935 года Ашхабад – Москва, о повторении которого мы мечтали. И мы прикладывали всевозможные усилия, чтобы возбудить интерес не только к этому событию, но и в его свете к судьбе ахалтекинской породы, переживавшей не лучшие времена. Начало было положено первыми после длительного перерыва пробегами, о которых мы писали в альманахе к соответствующим 20-летним юбилеям: 500-километровым 1983 года Ашхабад – Геркез – Кара-Кала – Ашхабад и 250-километровым 1984 года Ашхабад – Бахардок – Бабараб – Ашхабад. В отличие от первых двух, совершенных одиночками на свой страх и риск и за свои средства, этот пробег был организован Ашхабадским обкомом комсомола, носил политизированный характер и был хорошо оснащен. В составе экспедиции постоянно находились ветеринар Владимир Ситников, врач Эджегуль Тагирова и заслуженный зоотехник республики, незабвенная Мария Даниловна Черкезова, оказывавшие действенную помощь. Они размещались на двух мощных грузовиках с запасом провианта и корма (ячмень, сено) и с прицепной бочкой воды, замененной впоследствии на 7-тонный водовоз.

Кроме зоотехнических целей ставилась задача пропаганды ахалтекинской лошади и конного спорта в республике, поэтому в группе сопровождения была целая агитбригада в составе лектора-международника, художника, фольклорно-музыкального ансамбля, корреспондентов центральных и республиканских газет, кинопередвижки с фильмами о лошадях и съемочной группы киностудии документальных фильмов им. К. Карлиева. Разумеется, они не шли по пятам за всадниками, а нагоняли их в каких-то населенных пунктах, где устраивались митинги, беседы, показательные конные выступления и концерты. Общей сложностью в шлейфе одиннадцати всадников насчитывалось около 30 человек. Пробег послужил канвой для острозащитного документального фильма «История одного пробега», вскрывшего существовавшие в ту пору проблемы. Многочисленные газетные публикации, интервью по радио и телевидению привлекали внимание всей страны к этому походу. В 1989 году

журналистами А. Грачевым и М. Переплесниным была издана книга «Всадники в Каракумах».

Лошадей собрали, что называется, «с миру по нитке», очень разных по возрасту, экстерьеру, степени подготовленности; общим было лишь то, что все они были жеребцами и выращены на колхозных племенных фермах. Также и всадники были людьми разных профессий, возраста и уровня конной подготовки. Начкон пробега и один из главных организаторов Гельды Кяризов считался наиболее опытным – он шел впереди, выбирая дорогу и задавая темп движения. На нем лежала ответственность за режим работы, отдыха, кормления и поения лошадей. Мне досталась, на мой взгляд, самая замечательная лошадь – двенадцатилетний серый Оглан. Я познакомилась с ним уже в пути, так как прилетела из Москвы в Ашхабад за день до старта. Тем не менее, мы с ним отлично поладили. Он воспринял меня с пониманием и снисходительностью и стал лошадью моей мечты. Удивительно, как они умеют дружить! Безропотно подставляя свою спину, внимательно прислушиваться к человеку, достойно и терпеливо дожидаться корма.

Дорогой Оглан, твоя голубая кровь, твое врожденное благородство достойны были самого лучшего ухода, разрешающего требовать выносливости и силы. Я полюбила тебя таким, каким ты встретился мне – надежным, мудрым, осторожным и в то же время незащищенным, зависимым от моих слабых сил, а это создавало возможность реализации моим женским, материнским началам, приводило к внутренней гармонии. Я благодарю тебя за состояние уверенности в покорении пространства, за упоительный восторг единения в совместном полете, за уроки милосердия и великодушия.

Из дневника

9 мая: Первый день и первая ночь были самыми нервными. После торжественных проводов в парке Победы и долгого шествия по центральным улицам Ашхабада мы прошли лишь 28 километров. Заснуть так и не удалось: где-то рядом завывали шакалы, лошади никак не могли успокоиться, а под утро двое жеребцов сорвались с привязи и стали носиться по лагерю. Выскочив из спального мешка и схватив подвернувшись под руку тапочки, я бросилась к привязанному в отдалении Оглану. К нему уже приближался, изогнув шею, готовый к драке Алам. Почти попрощавшись с жизнью, я отчаянно закричала и замахала тапочками перед мордой агрессивно надвигающегося жеребца, и он, к моему изумлению, повернулся и убежал. Оглан стоял как вкопанный, а я долго не могла успокоиться от обессиляющей дрожи в руках и ногах. Кто видел, как дерутся жеребцы, тот поймет, какой беды удалось избежать. Меня же поразило благоразумное поведение Оглана.

10 мая: На второй день прибыли в Бахардок, пройдя 70 километров, последние – по очень сильной жаре, так как было намечено прибыть в поселок после обеда. На первом этапе пути было нелегко задавать темп, подходящий всем жеребцам, и учитывать их личные симпатии и противоречия. Еще не втянувшись в режим лошади шли очень неровно. Крупные, сильные жеребцы с амбициозными всадниками стремились обгонять друг друга, более слабые едва поспевали за ними. Устроили полудневку, чтобы осмотреть заметно присмиривших лошадей и дать им отдохнуть.

12 мая: Эрбент. Из лагеря вышли в 6 утра. Сначала шли по слегка покатым гребням песка с редкими кустиками саксаула. Но вскоре гребни сменились необъятными дюнами размером с небоскребы, которые были лишены всякой растительности. Однако, как ни странно, эти безжизненные горы песка свидетельствовали о наличии поблизости воды и человеческого жилья, об этой примете позже мне рассказал наш проводник Сары Кульмамедов. Еще не зная об этом, я была несказанно удивлена, когда на девственно чистом песке, сохраняющем отпечатки ночной жизни: следы ящериц, жуков, тушканчиков, – вдруг увидела следы босых детских ног. А вскоре нас встретили несколько стариков, застенчиво прячущих за спиной скромные букетики цветов. Они слышали, что в группе две женщины, но не могли узнать нас, так как все были одеты в одинаковые красные халаты, и наши обгоревшие на солнце лица были покрыты пылью.

14 мая: Дарваза – последнее поселение перед Центральным Заунгузским плато. Воды здесь своей нет, ее привозят за 40 километров. У каждого дома – цементный

Ю. Кузнецова с дочерью фотографа А. Туманова после пробега. Ашхабад, 1986 г.

бассейн для хранения воды. Нет ни кустика, ни деревца, ни даже травинки. Но встреча – потрясающая! В этот день в домах не было никого – все население вышло встречать всадников, многие на мотоциклах. Сопровождаемые тархтящими мотоциклами и бегущими детьми, мы вошли на школьный двор, где нас ждали с хлебом-солью уважаемые аксакалы. Нарядные девочки исполняли народные танцы. Наши джигиты ворвались в их круг и так отплясывали, что трудно было поверить, что за их плечами несколько сотен пройденных километров и огромная 60-метровая песчаная гора, которую пришлось штурмовать, прежде чем войти в Дарвазу.

19 мая: Куня-Ургенч. 300 километров от Дарвазы до Куня-Ургенча – это самая жесткая пустыня, безлюдная и безводная. Ландшафт заметно изменился. Если до этого мы шли по упругому песку с невысокими пологими барханами, поросшими редким саксаулом и кандымом, то здесь грунт более твердый, глинистый с разбросанными камнями, долгими спусками и подъемами. Глубокие расщелины, напоминающие американские каньоны, тянутся в бесконечность. В копыта коней набиваются глина и известняк, цементирующиеся в плотную массу, с трудом удаляемую металлическим крючком. На этом отрезке пути дважды встречались осколки древней цивилизации: развалины крепостей 11 – 12 веков «Шахсенем» и «Акжа Гелин Кала». Меня поразило обилие разнообразных глиняных черепков, разбросанных на сотни метров ровной поверхности такыра.

В Куня-Ургенче нас встречали как героев. Уже на подступах к городу по обеим сторонам дороги стояли пионеры, отдавая салют. На городском стадионе состоялся митинг, среди выступавших была дочь Актельпека Нагы – участника пробега 1935 года.

23 мая: Густонаселенная Ташаузская область задержала нас щедрым гостеприимством: четыре дня принимала в своих яблоневых садах, не давая пройти более 35 километров в день. В колхозе имени М. Калинина Тахтинского района состоялась встреча с участником пробега 1935 года Хыдыром Эсеновым. Он придиричиво осмотрел наших лошадей, похвалив очень немногих. Пытаясь удачнее сфотографировать старика, я попыталась и не сразу поняла, что случилось, получив сильный толчок в спину. Оказалось, я приблизилась к задним ногам забияка Алама, и он, не раздумывая, ударил. На мое счастье, участник похода Байрамгельды Хыдыров заметил действия Алама и успел меня оттолкнуть, при этом сам не избежал сильного удара в бедро. Благородный поступок моего товарища, возможно, спас мою жизнь.

Фото Юлии Кузнецовой

Завтра мы расстанемся с беспечной жизнью в оазисе и выйдем обратно в пустыню. Скорее бы туда, в просторную чистоту!

27 мая: Серный Завод. Обратный путь проходит восточнее, через поселок Серный Завод – родину Непеса Карахана. Отдохнувшие лошади с удовольствием идут по мягкому песку, приятному для них после утомительного асфальта и пухлой соленой глины с мелкими камушками Ташаузского оазиса, и в первый день мы легко преодолели 83 километра. Однако в дальнейшем крутые подъемы и спуски песчаных холмов, напоминающие гигантскую стиральную доску, заставили снизить темп движения. Максимально использовали прохладное время – утром шли с 6 до 11 часов, в дневном лагере пережидали самую жару, а она достигала 50 градусов, растянувшись в скудной тени под машинами, и снова в путь с 18 часов до сумерек.

31 мая: Путь домой всегда короче. Ашхабад встречает нас огромным транспарантом: «Привет участникам конного пробега Ашхабад – Куня – Ургенч – Ашхабад!»

Моим воспоминаниям об этом походе всегда сопутствует одно неизменное чувство – чувство вины перед лошадей. Тяготы, на которые мы добровольно обрекли себя, не должны были превратиться в мучения для лошадей. Как уже говорилось, конский состав был крайне неровен по возрасту, калибру, здоровью, физической подготовке. В пути лошади получали только сено и ячмень, немного соли и сахар. Разумеется, мы всячески старались помочь лошадям: спешивались время от времени и вели их в поводу, на привалах массировали конечности и уши, растирали тело жгутом сена, на ночь укрывали попонами, давали возможность принять песчаные «ванны».

Почему-то даже не вспоминаются жажда, нестерпимый зной, физическая усталость. Эти вполне естественные испытания благотворно действовали на мой городской организм. Долгое время по возвращению в «цивилизацию» все вокруг казалось ненастоящим, тусклым и мелким. И еще долго снился один сон. Бездонно-черный купол неба с низко висящими огромными звездами накрывает застывший океан песчаных волн; на нем крошечным островком расположился причудливый город: в мерцающем свете костров возникают чьи-то руки, лица, силуэты коней, автомашин, и только гортанные голоса, приглушенное ржанье и заунывные звуки дутара нарушают абсолютную, извечную тишину. Царица мира – пустыня! Она покорила своей огромностью и суровой чистотой, она забрала сердце, вселила в душу тоску, она манит, она зовет вернуться».

САЛАМ!

Детям солнечных колхозов,
Быстролетным их коням
От заводов, от совхозов,
От родной земли — салам!

Не пугала вас усталость,
Зной песков и шум дождя.
В славный город вы примчались,
Чтоб приветствовать вождя.

Вы пришли к желанной цели
Всем ветрам наперекор.
Все сломил ваш подвиг смелый,
Воли пламенный напор.

С ваших коней глаз не сводит
Вся великая страна.
Все колхозы, все заводы
Знают ваши имена.

*Это стихотворение посвящено участникам конного пробега Ашхабад — Москва.
Напечатано в газете «Туркменская искра» в день возвращения конников
в Ашхабад — 11.IX.1935 года.*

СЕРИЯ КНИГ “ЧИТАЙ И СМОТРИ”

Книга 1.
Аркадий Зюзин
“Непобежденный”

Книга 4.
Аркадий Зюзин
“На защите
Отечества”

Книга 7.
Ирина Пятилетова
“Странствия
русского пилигрима.
Святая Земля”

Книга 10.
Аркадий Зюзин
Николай Черкашин
“Бросая вызов
бездне”

Книга 13.
Николай Черкашин
“Глубины,
дельфины,
Галина...”

Книга 15.
Аркадий Зюзин
“Четвертая рота”

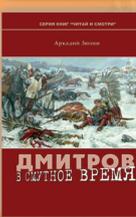
Книга 18.
Аркадий Зюзин
“Космические
инженеры”

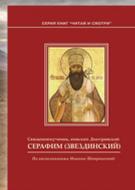
Книга 19.
Аркадий Зюзин
“Семь зимних
дней под
Дмитровом”

Книга 20.
Аркадий Зюзин
“Комбат-батяня”

Книга 21.
Аркадий Зюзин
“Дмитров
в смутное время”

Книга 2.
“Священномученик
епископ Дмитровский
Серафим
(Звездинский)”

Книга 5.
Лариса Черкашина
“Александр Пушкин.
Тайны древа”

Книга 8.
Ирина Соловей
«Архангельское,
«что в бору»

Книга 11.
Ирина Пятилетова
“Анна из рода
Патрикеевых. (Иоанна
Дмитровская).”

Книга 14.
Николай Черкашин
“Брестские врата”

Книга 16.
Татьяна Беляева
“Ирина и Ярослав.
Путь от любви
к святости”

Книга 3.
Аркадий Зюзин
“Первые в созвездии СУ”

Книга 6.
Аркадий Зюзин
“Притяжению земному
вопреки”

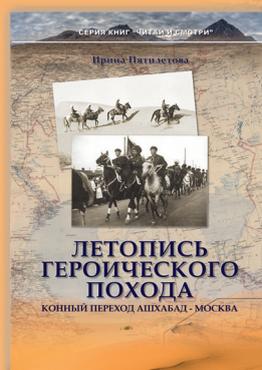
Книга 9.
Николай Черкашин
“Легендарный
Севастополь”

Книга 12.
Татьяна Мирошник,
Владимир Мирошник
“Минное поле”

Книга 17.
Николай Черкашин
“Герои К-19”

Книга 22.
Ирина Пятилетова
“Летопись героического похода.
Конный переход Ашхабад - Москва.”
Рекомендуем посмотреть!
Док. фильм “История одного пробега” (1986 г.)
режиссер Мурад Алиев,
Киностудия «Туркменфильм»
Док. фильм «Небесные кони» (2010 г.)
режиссер Александр Андреев,
«Лотос Вижн»,

Читай и смотри интернет-версию: kino-slovo.ru

© Образовательный проект «Берега»
Авторы проекта Ирина Дядченко, Юлия Васечко
Литературный редактор Ирина Пятилетова
Корректор Елена Рыкова

Выражаем благодарность спонсорам за поддержку проекта
Москва - 2021

